

ронней помощи?—съ состраданіемъ спросила она.—Обопритесь на меня.

Онъ казался ей какимъ-то молодымъ рыцаремъ, раненымъ изъ-за нея и заслуживающимъ ея попеченій.

— Если вы будете такъ добры,—отвѣтилъ Маркъ.

Онъ сознавалъ, что безсовѣстно шарлатанить, потому что отлично могъ въ эту минуту дойти до барьера одинъ. Онъ ничѣмъ инымъ не могъ бы извинить свою эксплуатацію ея симпатіи, кромѣ того, что боялся лишиться ея, и находилъ опьяняющую прелесть въ томъ, что за нимъ ухаживаетъ дѣвушка, отъ которой онъ недавно еще врядъ ли могъ надѣяться дожидаться второго равнодушнаго взгляда. Если онъ преувеличивалъ свое нездоровье, то можно надѣяться, что добрые люди извинятъ ему это, въ виду вышепозванныхъ обстоятельствъ.

Итакъ онъ позволилъ Мабели довести себя до барьера и усылся на одну изъ его гнилыхъ перекладинъ. Между тѣмъ, какъ она намочила платокъ одеколономъ или другой какой-то душистой жидкостью и приказала ему обтереть себѣ лобъ.

— Желала бы я знать,—сказала она,—есть ли докторъ въ числѣ пассажировъ. Навѣрное долженъ быть. Мнѣ кажется, вамъ бы слѣдовало посоветоваться съ докторомъ. Я пойду узнаю, нѣтъ ли доктора и приведу его къ вамъ.

Но Маркъ объявилъ, что ему теперь совсѣмъ хорошо, и попросилъ бы ее не оставлять его, еслибы смѣлъ. Но такъ какъ нездоровье его оказывалось несерьезнымъ, то Мабель опять стала тревожиться о Долли.

— Я не буду спокойна, пока не найду ее,—говорила она:—и если вы дѣйствительно поправились, то не можете ли помочь мнѣ найти ее? Она навѣрное гдѣ-нибудь недалеко.

Маркъ радъ былъ всякому предлогу остаться съ ней и охотно согласился.

— Идите въ эту сторону, а я пойду въ ту и мы встрѣтимся опять здѣсь.

— Не лучше ли намъ идти вмѣстѣ, — предложилъ Маркъ, которому такой планъ совсѣмъ не понравился:—она можетъ не узнать меня, если я буду безъ васъ.

— Нѣтъ, она навѣрное узнаетъ васъ, — нетерпѣливо замѣтила Мабель. — Какъ можетъ Долли забыть васъ послѣ того, что вы сдѣлали; но мы теряемъ время. Ступайте въ эту сторону и время отъ времени кликайте ее.

И сама пошла въ другую сторону, а Марку ничего больше не оставалось, какъ повиноваться. Онъ пошелъ, клича время отъ